не было снабжено датой и не было связано ни с каким конкретным событием. Только в этом случае разные компиляторы могли оказаться перед одинаковым недоуменным вопросом, куда его вставить и с чем связать? Естественно, что каждый из них решил этот вопрос по-своему. Один отнес известие к 1555 г.: «Лета 7063-го государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии велел казнить торговых многих людей и гостей на пожаре многое множество казненых, где же ныне стоят храмы по рву на костях казненых и убиеных, на костях и на крови поставлены».[7] Не приходится говорить, что ничего подобного в 1555 г. не происходило. Явно враждебный Грозному составитель этой летописи XVII в., новгородско-псковского происхождения, не хотел упустить рассказа о массовой казни торговых людей и, не зная, куда ее присоединить, выбрал очень неудачное место. Другой новгородский летописец XVII в. поместил это же известие под названием «Казнь на Москве от Ивана Васильевича» под 1581 г., между сообщением об осаде Пскова Баторием и известием о смерти в Слободе царевича Ивана Ивановича.[8] Последнее обстоятельство особенно важно для нас. Оно наглядно подчеркивает, что в источнике данного известия никаких намеков на связь казни со смертью царевича не было. Даже оказавшись рядом, эти известия никак с ним не соединяются, хотя и помечены тем же годом. То, что рассказ о казни поставлен перед известием о смерти царевича, говорит о том, что в глазах составителя оба эти факта не были связаны между собой.[9] С другой стороны, в этом соседстве ни с чем вообще не связанного известия о казни торговых людей с известием о смерти царевича безусловно заложено искушение поменять их местами и поставить в причинную связь между собой: сначала умер царевич, а затем по этому поводу была казнь.

Попутно возникает вопрос, что из чего сделано — повесть о казни купца из этого известия или это краткое известие о казни торговых людей из повести? Нам представляется, что это известие является по отношению к повести вторичным, ее кратким летописным отголоском. Об этом свидетельствует уже сама хронологическая «неприкаянность» известия, отсутствие какой-либо связи его с конкретными историческими фактами, что для «прирожденного» летописного известия невозможно. Дальнейшее изложение покажет, что как раз повесть тесно связана с конкретными историческими событиями и полна таких реалий, которые можно было позднее исключить, как это и сделано в названных летописных известиях, но никак нельзя было бы заново выдумать.

Итак, мы пришли к выводу, что слова, связывающие казнь, описанную в повести, со смертью царевича, являются поздней вставкой, которая и делает дату, стоящую в повести, ошибочной. Изъяв эти слова из повести, что, как мы видели, делается текстологически совершенно безболезненно, мы устраняем явно ошибочный характер даты.

Благодаря такому толкованию можно объяснить и механизм двойной хронологической ошибки в тексте летописца, список которого находится

---

[7] ГПБ, собр. Погодина, 1406, л. 146.

[8] ГПБ, собр. Погодина, 1408, л. 128. Эта рукопись описана С. Н. Азбелевым в статье «Светская обработка жития Александра Невского» (ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 147). Добавим, что эта рукопись явилась протографом так называемого Морозовского летописца, упоминаемого Н. М. Карамзиным (ГПБ, F.IV.228).

[9] В так называемом Морозовском летописце (ГПБ, F.IV.228), являющемся списком с данной рукописи, также содержится это известие. Против него на полях рукой Н. М. Карамзина записано: «В других лет. „В Лето 7063 ... велел казнити ... на пожаре, иде же ныне стоят храмы по рву на костях казненых и убиеных и на крови поставлены“» Отсюда видно, что известие о казни торговых людей, ошибочно отнесенное к 1555 г., встречается часто.